

КОРОЛЬ РЕПЛА И КОРОЛЕВА НОЖЕЙ

18+

Элина Кова

Король пепла и королева ножей

«Автор»

2026

Кова Э.

Король пепла и королева ножей / Э. Кова — «Автор», 2026

Эпоха Короля-Солнца умерла, оставив после себя разоренную казну, гниющие раны городов и пустую колыбель наследника. У руля умирающей империи встает Филипп Орлеанский — человек со взглядом мраморной статуи и сердцем из замерзшей ртути. Его называют регентом, но он уже чувствует себя королем теней. Его невеста, Луиза-Антуанетта, — избалованная принцесса, привыкшая к шелку и поклонению. Но первая брачная ночь случается не в дворцовой опочивальне, а в вонючем наемном фиакре посреди Парижа, где вместо свадебного марша звучит свист полицейской плетки. Это не насилие — это объявление войны. Чтобы спасти Францию от голода и бунтов, им придется превратить свою постель в главный инструмент управления государством. Он будет продавать её тело банкирам ради мешков с зерном, а она — подписывать смертные приговоры его кредиторам, лежа под ним на карте страны. Они будут торговать церковным серебром, топить предателей в Сене и строить империю на костях тех, кто посмел назвать их самозванцами.

© Кова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вонь формалина и дешевое шампанское	5
Глава 2. Чернила вместо яда	8

Элина Кова

Король пепла и королева ножей

Глава 1. Вонь формалина и дешевое шампанское

Смерть Короля-Солнца

Париж задыхался в августе 1715 года. Людовик XIV гнил заживо уже третью неделю, и Великий отворот крови превратил Тюильри в филиал преисподней. Высшая аристократия Франции была обязана присутствовать при этом. Часами стоять в душном зале, слушать монотонное бормотание хирургов и падать в обмороки не от горя, а от миазмов.

Филипп Орлеанский стоял у открытого окна, игнорируя этикет. Его лицо было бледным даже под слоем рисовой пудры, но глаза оставались ясными, холодными и абсолютно трезвыми. Пока его дядя превращался в восковую куклу, принц просчитывал стоимость перевозки двора обратно в Париж. Версаль был золотой клеткой для дураков. Настоящая власть всегда пахла сточными водами Сены.

— Он оставил нам империю из папье-маше, — раздался рядом женский голос. Низкий, с легкой хрипотцой курильщицы. — И пустой сундук.

Филипп медленно повернул голову. Рядом стояла герцогиня де Берри, его двадцатилетняя крестница. По части цинизма она могла дать фору любому министру старого короля. Платье цвета слоновой кости сидело так тесно, что казалось нарисованным прямо на коже. Она пила неразбавленное бургундское прямо из горлышка.

— Тише, Анна, — лениво бросил Филипп. — Твои соски протыкают атлас. Архиепископ Реймский еще не ослеп окончательно.

Герцогиня фыркнула и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Пусть смотрит. Говорят, он предпочитает мальчиков. Хотя бы мои настоящие.

Уголок губ Филиппа дрогнул. Это была самая теплая эмоция, которую он позволял себе на публике за все сорок два года своей жизни.

В этот момент двери распахнулись. Церемониймейстер ударил жезлом о паркет, но звук вышел глухим, жалким.

— Ее Светлость Луиза-Антуанетта де Лаваль-Бофор!

Она вошла одна. Без свиты и без отца, который предпочел отправить свою дочь которая едва достигла восемнадцатилетия, навстречу политической гильотине, оставшись в провинции пересчитывать остатки зерна. На ней была маска ворона — черная, клювастая, из лакированного дерева. Уродливая вещь, закрывающая половину лица и делающая дерзость рта еще более вызывающей.

Платье винного цвета имело такой глубокий вырез, что при каждом вдохе открывало верхнюю кромку груди. Корсаж был расшит рубинами размером с голубиное яйцо. Кровь убитых гугенотов, отстраненно подумал Филипп. Или долги ее семьи перед Генеральными штатами.

Она остановилась посреди зала, обвела взглядом гниющий труп короля, потных министров и мертвецки пьяную крестницу регента. А затем сделала глоток из бокала проходящего мимо лакея. Шампанское полилось по подбородку.

Филипп оттолкнулся от подоконника. Любопытство было единственным пороком, который он никогда не мог рассчитать заранее. Эта девчонка либо обладала титановыми нервами, либо была клинически глупа. Оба варианта требовали инспекции.

Он подошел к ней сзади, бесшумно, как кот.

— Вы наступили мне на шлейф, месье, — произнесла она, не поворачивая головы. Её взгляд был прикован к фиолетовым пятнам разложения на лице покойного монарха. — Если хотели познакомиться, достаточно было попросить задрать юбки. Это сэкономило бы нам время и спасло шелк.

Зал затих. Кто-то поперхнулся мадерой. Герцогиня де Берри перестала икать. Архиепископ торопливо перекрестился.

Холодный ум Филиппа впервые за вечер дал трещину. Никто во Франции не смел говорить с ним — первым принцем крови — в таком тоне. Даже шлюхи в борделях на улице Муффетар начинали лепетать извинения, стоило ему нахмуриться.

Упрямство взяло верх над удивлением. Девчонка хочет грязи? Она получит грязь Парижа, а не бархат Версальских будуаров.

— Следуйте за мной, — сказал он ровным голосом, беря её под локоть. Пальцы сомкнулись на предплечье чуть сильнее необходимого. — Нам нужно обсудить условия нашего брака.

Он повел её не в Малый кабинет с диванами. Вывел через черный ход, предназначенный для выноса мусора и тайных побегов куртизанок, прямо под ледяной августовский дождь.

На брусчатке темнели лужи конской мочи и помоев. Принцесса — будущая королева Франции — споткнулась, подскользнувшись на рыбьей чешуе. Маска скрыла румянец ярости, заливающий скулы.

Филипп свистнул. Подкатила наемная карета без гербов, пропахшая кислым потом, дешевой свечной гарью и блевотиной предыдущего пассажира. Кучер дремал, свесив голову.

Принц втолкнул девушку внутрь. Деревянное сиденье оказалось жестким и влажным. Внутри было темно, хоть глаз выколи.

— Куда мы едем? — спросила она. Избалованная интонация исчезла, сменившись чистым любопытством. Она поправляла маску, но пальцы, сжимавшие бархат сиденья, побелели.

— Проверять вашу теорию, — ответил Филипп. Сел напротив, расставив колени. Темнота делала его профиль резким, хищным. — О юбках. Я хочу посмотреть, действительно ли ваш язык бежит впереди вашей крови. Раздевайтесь.

Тишина повисла такая, что стал слышен храп кучера и шум дождя по крыше.

— Что? — выдохнула она.

— Шелк стоит дорого, — напомнил он её же слова. Голос звучал скупающе, словно он диктовал секретарю указ о пошлине на соль. — Вы экономны. Докажите. Снимите платье.

Это была месть. Холодная, расчетливая казнь её гордости. Унизить высокородную суку в вонючего парижского фиакра, доказать, что вся её дерзость — лишь позолота на меди. Он смотрел на неё в ожидании, расстегивая собственную подвязку.

Луиза-Антуанетта сглотнула. Внутри всё кричало: плюнуть ему в лицо, закричать, потребовать стражу. Но воздух в карете вдруг стал густым и тяжелым. Приказ прозвучал не как насилие. Он прозвучал как вызов.

Избалованная девочка внутри хотела истерики. Дерзкая женщина, которой она притворялась весь вечер, решила сыграть.

Она подняла руки. Медленно, глядя ему прямо в глаза поверх клюва маски, начала развязывать ленты корсажа. Звук рвущейся ткани показался выстрелом. Верхняя часть платья упала к талии, обнажая грудь, которая никак не сочеталась с ядом её речей — высокую, тяжелую, с веснушками на левой ключице. Совершенно не идеальную. Живую.

— Экономия превыше всего, ваше высочество, — прошептала она. — Надеюсь, мой вклад покроет ущерб вашему бюджету?

Прежде чем он успел ответить или хотя бы моргнуть, она рванулась вперед. Не для поцелуя. Используя замешательство принца, схватила его за шейный платок, дернула на себя, используя инерцию движущейся кареты, и впиалась зубами в нижнюю губу. До крови.

Филипп зарычал — тихо, по-звериному, чего сам от себя не ожидал. Его план рассыпался в прах. Инстинкт потребовал доминировать немедленно.

Его руки оказались на её бедрах раньше, чем карета миновала Лувр. Он вбил её в деревянную стенку экипажа, задрал мокрые юбки грубой шерстяной ткани, разрывая тонкое бельё одним движением большого пальца. Она вскрикнула — скорее от злости, чем от боли — и вцепилась ногтями в его плечи, царапая дорогой камзол.

Карету швыряло на поворотах. Их тела сталкивались в такт ухабам — жестко, беззвучно, если не считать тяжелого дыхания и шума ливня. Это был не секс влюбленных. Это была драка, закончившаяся коитусом. Борьба за территорию. Он доказывал свою власть, насаживая её на себя снова и снова, пока она не выгнулась дугой, впиваясь зубами в собственное запястье, чтобы не закричать, кончая слепо, ненавидя его за каждый миллиметр этого вторжения.

Когда всё закончилось, они остались сидеть друг напротив друга. Карета резко остановилась. Храп прекратился.

Филипп застегнул пуговицы камзола. Его движения были прежними — точными, механическими. Достал из внутреннего кармана кружевной платок, стер кровь со своей губы и размазанную помаду с её подбородка. Затем посмотрел на разорванный рукав её платья.

— Ткань испорчена, — констатировал он тем же скучающим тоном, которым встретил её час назад. — Мой казначей возместит ущерб. Можете считать себя представленной ко двору.

Он открыл дверцу. Ливень ворвался внутрь. Филипп выбрался на улицу, даже не подав ей руки, и захлопнул створку. Щёлкнул кнут.

Карета тронулась, оставив Луизу-Антуанетту одну. Она сидела в темноте, чувствуя, как между ног пульсирует боль, а по щекам текут не слезы унижения, а капли дождя, залетевшие в окно.

Её первая брачная ночь состоялась до свадьбы. Жениха звали Филипп. И только сейчас, дрожа в несущемся по ночному Парижу фиакре, она поняла правила этой игры.

Политический брак будет войной. И этот холодный ублюдок только что сделал первый ход. Оставалось надеяться, что отец успеет собрать достаточное количество золота, чтобы выкупить её тело обратно, потому что душу этот принц уже украл вместе с девственностью.

Глава 2. Чернила вместо яда

Утро началось с счёта за испорченное платье.

Луиза-Антуанетта нашла бумагу на серебряном подносе рядом с шоколадом. Почерк регента был острым, как лезвие бритвы:

«Мадам. За вычетом стоимости шёлка (три туаза), кружев и морального ущерба камеристки... Итого: две тысячи ливров. P.S. Шёлк был дешёвым. В следующий раз выбирайте ткани тщательнее».

Две тысячи ливров. Он выставил ей счёт за собственное насилие. Избалованная часть её души хотела разбить зеркало. Дерзкая — решила вернуть долг с процентами.

К полудню месть была приведена в исполнение. Кабинет Филиппа находился в Палатке Рояле прямо над кухонным блоком и выходом для помоев. Луиза лично отдала приказ мажордому: «В покоях герцога Орлеанского слишком сухо. Пусть слуги выливают содержимое ночных горшков ровно в полдень. Я хочу проверить тягу дымоходов».

Филипп сидел над гроссбухами, когда первые капли густого дождя из мочи и мыльной воды пробили потолок и упали прямо на колонки цифр, описывающих дефицит бюджета Франции. На его лице, скрытом от посторонних, промелькнуло нечто похожее на одобрение. Девчонка играла по правилам двора: бей по репутации и комфорту, никогда — по лицу.

Их первая встреча за ужином напоминала дуэль шпагами под скатертью.

— Стекло тяжелее рубинов, — Филипп лениво ковырял вилкой паштет. — Вы будете сутулиться. Королевы не сутулятся.

— Зато оно блестит так же ярко, — парировала Луиза. — Никто не отличит блеск нищеты от блеска достатка, пока не подойдёт вплотную. К счастью, ваше высочество, никто здесь не осмелится подойти ко мне настолько близко без вашего приказа.

— Они подойдут, если я им заплачу. Или если вы продолжите заливать мой кабинет дерьмом моей прислуги. Кстати, ваш отец задерживает приданое. Мне заложить ваши стеклянные рубины или вашу девичью честь?

Это был удар ниже пояса. Она побелела. Отец любил её, но казна провинции Лаваль-Бофор сейчас значила для него больше, чем дочь-сорванец.

— Если вам нужны деньги, обратитесь к англичанам, — голос Луизы стал опасно сладким. — Говорят, их принц любит переодеваться в горничных. Возможно, он одолжит вам пару гиней.

Архиепископ Бордоский поперхнулся вином. Герцогиня де Берри проснулась.

Филипп отложил салфетку. Его лицо снова стало непроницаемой маской.

— У английского принца сифилис третьей стадии, ему не до веселья. Но попытка засчитана. Жду вас завтра в девять утра в библиотеке. Принесёте перья и чернила. Будем учиться писать анонимные письма. Раз ваша латынь ограничивается молитвенником, а моя репутация требует защиты от вашей родни-шлюхи, мы займёмся делом. Опоздаете — следующие два счёта оплатите натурой.

Утром Филипп уже ждал её у окна в библиотеке, кутаясь в халат. Под глазами залегли глубокие тени — мигрень грызла его левый висок.

— Садитесь, — кивнул он на бюро. — Тема сочинения: «Почему вдова брата покойного короля сосёт золото из Франции быстрее, чем пиявка кровь из телёнка». Используйте метафоры. Двор обожает зоологию.

Следующие четыре часа они провели в тишине. Это было самое интимное действие, которое между ними случилось.

Филипп диктовал факты. Сухие цифры взяток, которые берёт тётка-регентша. Имена поставщиков гнилого сукна для армии. Суммы откатов судебных.

Луиза облакала это в слова. Её почерк оказался хищным, летящим. Она умела ненавидеть красиво. Когда она назвала любовницу тётки «гнилостной воронкой Сен-Дени», Филипп впервые едва заметно усмехнулся:

— Оставляем. Звучит убедительно.

Они писали пасквили. Во Франции начала XVIII века это называлось *«мазаринадами»* — ядовитыми анонимными листками. Их не печатали в газетах, которых почти не существовало. Их писали от руки каллиграфическим почерком, чтобы нельзя было узнать автора, и подбрасывали в будуары министров, подсовывали под тарелки на балах или передавали через уличных торговцев. Один удачный памфлет мог обрушить курс акций всей страны или заставить королевскую фаворитку бежать из Парижа. Это было страшнее кинжала, потому что кинжал убивает одного человека, а слово убивает репутацию целого рода.

Когда солнце поднялось выше, Филипп потянулся, хрустнув суставами. Забрал оба листа.

— Мы пишем хорошо. Как единый организм. Жаль, что трахаемся как кошка с собакой. Неэффективно.

Он развернул её кресло к себе. Резко, царапнув ножками паркет. Опустился на колени прямо на холодный каменный пол между её ног.

— Давайте проверим теорию синергии здесь, — глухо произнёс он, расстёгивая крючки её юбок. — Посмотрим, сможете ли вы кончить, не сломав мне нос. Диктуйте темп.

Это не было похоже на животную спешку кареты. Это был расчётливый, медленный акт владения. Он изучал её тело так же внимательно, как бухгалтерские книги, методично доводя её до исступления, цифра за цифрой, толчок за толчком.

Позже, сидя на полу среди разбросанных бумаг и привалившись спиной к его груди, она смотрела на свой почерк.

— Отец пришлёт золото через неделю, — тихо сказала она, просто чтобы разорвать тишину.

— Знаю, — ответил Филипп, дыша ей в макушку. Он вытащил из вороха черновиков чистый лист. — Поэтому завтра мы будем писать вторую часть. Про архиепископа. У него страсть к мальчикам-алтарникам. Справедливость должна быть всеобъемлющей.

Он протянул ей новое перо. Их пальцы соприкоснулись. Война никуда не делась, но теперь у неё появилось общее банковское дело и общий яд в чернильнице.